

A romantic close-up of a man and a woman in a warm, golden light. The man is on the left, looking down at the woman on the right. They are both looking down, creating a sense of intimacy and connection. The lighting is soft and warm, suggesting a sunset or sunrise. The background is slightly blurred, focusing attention on the couple.

Не ЗАБЫТЬ ТЕБЯ
ВОЗМОЖНО

18+

ТОРИ МАЙРОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Тори Майрон

Забыть тебя (не)возможно

Серия «Хорошие плохиши», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67930730

SelfPub; 2023

Аннотация

Парень моей лучшей подруги – мерзавец, каких ещё поискать. Я нарадоваться не могла, когда он навсегда покинул город. Увы, его «навсегда» продлилось всего три года. Алекс снова здесь. И он совсем не изменился. Такой же красивый, уверенный, неповторимый и... насквозь гнилой. Я заведомо знала, что его возвращение приведёт к крупным проблемам. Но даже не догадывалась, какие сюрпризы меня ждут впереди. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Вербника	4
Глава 2	15
Вербника	15
Глава 3	28
Вербника	28
Глава 4	41
Вербника	41
Глава 5	58
МЭТТЮ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Тори Майрон

Забудь себя (не)возможно

Глава 1

Верónica

– Рони, вставай! Ты проспала!

Это не самые лучшие слова, с которых может начаться новый день, но именно они безжалостно вырывают меня из глубокого сна.

– Нет, мам. Не проспала. Будильник ещё не прозвенел, – сонно мычу я и скрываюсь от всего мира под одеялом.

– Да? Тогда почему Алана с шофёром уже ждут тебя возле входа, а ты всё ещё валяешься в постели?

Что?!

Не может быть!

Я вылетаю из кровати, как пробка из бутылки шампанского. Аж в глазах начинает рябить от стремительно скачка. Хватаю телефон с полки, смотрю на время и чертыхаюсь!

Я же пять будильников вчера поставила, чтобы проснуться наверняка. И всё равно умудрилась облажаться.

В этом вся я!

Поспать я люблю, что уж там скрывать. А вот носиться сломя голову в первые минуты после пробуждения – терпеть ненавижу. Но именно так зачастую и проходит моё утро.

Душ за две минуты, чистка зубов за одну. К чёрту сушку волос – по пути до универа сами успеют высохнуть. Второпях натягиваю одежду, брызгаю капельку любимых духов, наношу тушь на ресницы и подкрашиваю бледные губы.

Короткий взгляд в зеркало. Оборот вокруг своей оси. Видок не идеальный, но и не полный отстой. Сойдёт!

– Держи! Я быстро сделала пару сэндвичей. По пути хоть поешь, – мама встречает меня в коридоре, вручая пакет с завтраком, и я забрасываю его в сумку.

– Спасибо, но не стоило. Спать бы лучше шла, – шустро справляюсь с застёжкой на туфлях, глядя на усталое лицо мамы.

– У меня весь день для этого есть.

– Тяжелая ночка?

– Как всегда.

– Я когда-нибудь уговорю тебя уйти из клиники?

– А я уговорю тебя прекратить писать свои порнокнижечки?

– Я пишу не порно, мама, а романтическую эротику. Сколько можно тебе повторять?

– Ага. Читала я твою эротику. Глаза из орбит вылезали. До сих пор не верю, что моя дочь пишет подобное, – её щёки сильно краснеют.

– Тогда не читай их, раз они тебя настолько повергают в шок. Писать я их не прекращу. Мне же нужно как-то зарабатывать, пока универ не закончу. В отличие от тебя, у меня нет щедрого спонсора.

– Спонсор, как ты выразилась, вообще-то твой родной отец. И могла бы уже прекратить упрямиться и принять от него помощь. Он очень скучает по тебе, – мама смягчает голос до предела. Она всегда так делает, когда речь заходит о папе.

– Пусть скучает дальше! – помрачнев, отрезаю я.

– Рони, ну нельзя же так!

– А так, как он поступил, можно?

– Я его уже давно простила. И тебе нужно сделать то же. Как-никак, тебя он ничем не обижал.

– Прошу, замяли тему.

– Ладно. Но только потому, что ты опаздываешь. Беги, – поцеловав меня на прощание, мама, к счастью, легко соглашается свернуть неприятную беседу.

И большое ей спасибо за это. Не хочется портить себе настроение с самого утра. Мне и так сейчас Лана весь мозг проест.

Она не выносит, когда я опаздываю. А я это делаю... эм... всегда. К тому же из-за её поездки в Париж мы не виделись аж целый месяц. А для нас это целая вечность, поэтому вместо радостного приветствия подруга точно устроит мне все-ленскую взбучку.

Однако, к моему удивлению, когда я выбегаю из дома, Алана не то что не злится, а даже не замечает моего появления.

Прислонившись спиной к машине, она сверлит взглядом экран смартфона и улыбается так по-идиотски, что тут даже к гадалке ходить не надо, чтобы понять – она переписывается с очередной «любовью всей её жизни», что меняются быстрее, чем дни в календаре.

Нет, она не шлюха, как считают некоторые завистницы в универе, а просто очень влюбчивая и эмоциональная. И этот факт, само собой, постоянно усложняет ей повседневность. А однажды чуть было не разрушил нашу дружбу. К счастью, мы сумели разрешить наш бурный конфликт сразу же, как только его причина свалила из города.

– Алло! Земля вызывает, мисс Браун! – насмешливо произношу я.

Алана вздрагивает от неожиданности, выбираясь из романтического чата в WhatsApp, и радостно восклицает:

– Рони! Как я соскучилась!

Она набрасывается на меня с объятиями, я даже сумку роняю от её напора.

– Правда? А сразу и не скажешь. С кем ты там так само-забвенно переписываешься? Ты же только вчера прилетела. Неужели успела уже с кем-то познакомиться по пути из аэропорта?

– Я тебя умоляю. Единственное, что я вчера успела, – это

рухнуть в кровать и отключиться. Девять часов полёта выжали из меня все соки.

– Ты что, летела экономклассом?

– С ума сошла? Нет конечно. Просто от времени, проведённого в Париже, я осталась под таким впечатлением, что никак не могла заснуть. Эмоции меня так и распирали!

– И кто на сей раз тому причина? – усмехнувшись, закатываю глаза.

– Он, – подруга окрылённо вздыхает, точно диснеевская принцесса, мечтающая о своём ненаглядном рыцаре на белом коне, а затем показывает заставку на своём айфоне.

С экрана на меня смотрит смазливый брюнет, которого Алана крепко обнимает и целует в щёку.

– Я так понимаю, меня ожидает долгий рассказ о «том самом?» – повторно закатываю глаза.

– Не говори об этом с таким скептицизмом. На сей раз он точно «тот самый».

– Ты всегда так говоришь.

– Нет! На этот раз я стопроцентно уверена. Он – моя вторая половинка. Я это поняла сразу же, как его увидела.

И это она тоже всегда говорит, но я решаю держать язык за зубами.

– Поэтому я и задержалась в Париже. Мы с Домиником не могли друг от друга отлипнуть. Скажу честно, я вообще не хотела возвращаться. К чему мне учиться, если папа в конце года просто может купить мне диплом? Но, представь се-

бе, Катрина ни с того ни сего решила врубить режим строгой мамочки и пригрозила, что заблокирует мою кредитную карту, если я не вернусь домой к началу учёбы, – возмущается Лана, отбрасывая назад длинные каштановые волосы.

И да, свою маму Алана всегда называет только по имени. Та ещё с детства потребовала обращаться к ней именно так.

Странно? Для меня – очень. Но в каждой семье свои заморочки, а в семье Браун их целое море.

– Ладно, принцесса, по дороге расскажешь о своём сказочном принце. Мы и так уже сильно опаздываем, а мне, в отличие от тебя, папа в конце года диплом не купит.

– Только потому, что ты сама ему не позволяешь, – выдаёт Лана и запрыгивает в машину.

Я следую за ней, ничего не отвечая. Второй раз за утро затрагивать тему отца не входит в мои планы.

Путь до университета пролетает под непрерывные рассказы о смазливом Доминике и ещё парочке парней, с которыми Лана познакомилась до встречи с «тем самым».

О самом Париже и его всемирно известных достопримечательностях Лана ни слова не сказала, будто за целый месяц, кроме баров, клубов и ресторанов, она и вовсе никуда не ходила.

Честно, мне очень хотелось полететь с ней в самый романтичный город мира. Ещё в детстве мы мечтали, как достигнув совершеннолетия, будем путешествовать вместе при каждом удобном случае. Однако тогда я и представить не

могла, что спустя несколько лет я перестану жить беззаботной жизнью, в которой главными проблемами являются сло-манный ноготь или сложный выбор платья для тусовки.

Четыре года назад в моей семье всё изменилось, и с тех пор мне приходится самой зарабатывать на карманные расходы и на будущую покупку собственной квартиры. По этой же причине дорогостоящие путешествия мне светят ещё совсем-совсем нескоро.

Но я не жалуясь. Отказ от денег отца был моим осознанным выбором. И я не собираюсь это менять.

– А как прошёл твой месяц, Рони? – интересуется Лана, когда мы въезжаем на территорию Спрингфилдского университета.

– Так же, как и всё лето. Стажировалась в «Spring Times».

– Ох! Скучотища! А как дела у вас с Райаном?

– А какие у нас могут быть с Райаном дела? Мы расстались ещё до твоего отъезда.

– Напомни-ка: в который раз? В сотый? – она смеряет меня ироничным взглядом.

– В последний, – уверенно отвечаю я.

– И хочешь сказать, он не пытался помириться?

– Пытался.

– И-и-и?

– И ничего! Я заблокировала его номер и аккаунты во всех соцсетях. А когда он приходил ко мне домой, я не открывала дверь или просила маму сказать, что меня нет.

– Ого! Да ты настроена серьёзно.

– Предельно. Наши отношения себя изжили. Мы уже давно не испытываем друг к другу ничего, кроме привычки.

– Мне кажется, так считаешь только ты. Райан всё ещё любит тебя. И он не раз доказывал это.

– Люби он меня, как ты говоришь, не вылизывал бы рот какой-то девицы на прошлой неделе на вечеринке у Клифа, – сдавленно произношу я.

Привычка привычкой, но видеть свою первую любовь с другой девушкой, как ни крути, до жути неприятно.

– Так-так. Что-то я не поняла. Ты сказала, что заблокировала его везде, а сама, получается, следишь за ним?

– Нет, не слежу. Но ты же знаешь нашу главную сплетницу, которая не может прожить и дня, если не испоганит кому-нибудь настроение. Я специально пропустила ту вечеринку, лишь бы не встречаться с ним. Но вечером получила прямой репортаж от Синтии, где было четко видно, чем занимается Райан, – мой голос окончательно грустнеет, а глаза начинает щипать.

Но я не буду плакать! Не буду. С Райаном всё кончено, и он может делать, что хочет. Мне нужно это принять!

– Вот же дрянь! – шипит Алана точно кошка, и я с ней полностью солидарна. – Я ей все волосы однажды повырываю! Достала совать нос не в свои дела. Больше заняться, что ли, нечем?

– Конечно, нечем. Распускание сплетен – вся её жизнь, –

шумно выдыхаю я и выбираюсь из машины, с новым вдохом втягивая в себя запах уходящего лета.

Не обращая внимания на плывущую мимо толпу студентов, подставляю лицо солнцу и с грустью понимаю, что оно уже не греет так сильно, как хотелось бы.

– Ты веришь в это, Рони?

– Во что?

– В то, что это наш выпускной год в этом занудном убогом месте?

Под убогим местом Алана имеет в виду один из престижнейших частных университетов в штате.

– Я дождаться не могу, когда этот год закончится и я смогу уехать подальше от этого города, – добавляет она.

– Ты так говоришь, будто твоя жизнь здесь – полный отстой.

– Нет, конечно, не отстой. Но если бы я уехала ещё после окончания школы в кругосветное путешествие, как того хотела, жизнь была бы несравненно круче.

– Но в ней бы не было меня.

– Это точно, – подруга обнимает меня сзади, укладывая подбородок на моё плечо. – Я буду очень скучать по тебе после выпуска.

– А я по тебе, но мы же расстанемся не навсегда.

– Ещё чего вздумала? Конечно нет. Ты от меня так просто не отделаешься. После того как я обкатаю весь мир, я же должна буду увидеть тебя в роли успешной журналистки.

– Очень надеюсь, что я такой стану.

– Пф... Ты? Естественно станешь! Ты же как чёртов танк.

Прёшь без остановки.

Я усмехаюсь и поворачиваюсь к подруге передом.

– Кстати, как я выгляжу? Не успела высушить волосы, – спрашиваю я, но Алана не отвечает и даже не смотрит на меня.

Всё её внимание устремлённо в правую сторону. Она вмиг застывает, округляет зелёные глаза и ошарашенно выдыхает, озадачивая меня не на шутку.

– Боже мой... Не может быть!

Поворачиваю голову к причине её шока и буквально сразу ощущаю волну неконтролируемых эмоций. В частности, гнева и непонимания.

«Какого чёрта он тут делает?!» – задаюсь вопросом и фокусируюсь на знакомой высокой фигуре парня.

Он одет во всё чёрное и уверенно шагает к главному входу университета, будто бы не видя никого вокруг себя.

Я несколько раз моргаю, надеясь, что просто галлюцинирую или вижу кошмар, но нет...

Это в самом деле он!

«Тот самый», что несколько лет назад чуть не разрушил нашу с Ланой дружбу.

Тот, кто ни о ком, кроме себя любимого, не думает.

Тот, кто веселится, играя на человеческих чувствах.

Тот, кто, уезжая, заверил, что навсегда покидает Спринг-

филд.

Тот, кто, по всей видимости, и об этом соврал так же, как делал сотни раз до этого.

– Это он, Вероника. Это он... Ты его помнишь? – дрожащим голосом спрашивает Алана.

Но я не слышу в её тоне и толики обиды или негодования. Там только долбаная радость, вызванная всего одним взглядом на парня, который когда-то был для неё всем.

– Ты ещё спрашиваешь? – сквозь зубы цежу я, с закипающей яростью вспоминая, что именно сделал этот мерзавец. – Конечно, помню. Его забыть невозможно.

Глава 2

Верóника

Алекс Уокер.

Это полный пакет всего, от чего верещат все девчонки.

Самоуверенный.

Умный.

Весёлый.

Всеми любимый.

Идеально сложенный.

Красивый.

Неповторимый.

Но весь этот список перекрывает одно смачное «НО», которое мне повезло просечь довольно быстро.

Этот «Мистер идеальность» насквозь гнилой!

Мы познакомились с Алексом на первом курсе в университете. И всё начиналось очень даже неплохо. Он сам подошел к нам и любезно предложил провести ознакомительное турне по универу, после познакомил с компанией его друзей. А для двух новеньких девочек это можно было назвать настоящей удачей.

Мы с Аланой никогда не были тихонями или стесняшками, боящимися открыть рот. В старшей школе мы, наобо-

рот, были теми, к кому тянулись все остальные ученики. Но в университете нас никто не знал и нам ещё предстояло добиться той же репутации. Однако нам даже делать ничего не пришлось. Встреча со старшекурсником, самым популярным парнем в Спрингфилде, сама всё организовала.

Благодаря знакомству с Алексом мы быстро влились в новую среду, обзавелись множеством друзей и популярностью. Буквально с самого начала будни в университете ничуть не отличались от будней в старшей школе. Мы тусовались с Уокером и его друзьями. Все нас любили, а мы наслаждались всеобщим вниманием.

И всё бы было ничего, если бы Алана столь предсказуемо не влюбилась по уши в Алекса. Это и стало ключевым моментом, который впоследствии довёл Лану до удручающего состояния, а нашу дружбу – до грани разрушения.

Вовсе не потому, что Алекс не разделил её чувства, а запал вместо Ланы на меня. Нет, это как раз-таки было бы хорошим исходом, который с лёгкостью можно было бы разрешить. Наоборот, он ответил ей взаимностью, и они начали встречаться.

И вроде бы – что тут такого? Двое молодых людей встретились, влюбились и захотели быть вместе. Да только проблема состояла в том, что Алексу одной Ланы было недостаточно. И по чистой случайности именно мне посчастливилось об этом узнать первой.

Каким образом?

Самым что ни на есть избитым.

Однажды после окончания дополнительных занятий я спешно отправилась в университетскую библиотеку, надеясь, что она ещё не закрылась. И мне повезло. Да так сильно, что я не только успела попасть внутрь, но и напоролась на сюрприз в виде Алекса, трахающего другую. Причём не кого-то из студенток, а... барабанная дробь... саму библиотечаршу.

Но самое поразительное было не то, что вечно тихая миссис Краус была прижата к книжным стеллажам и рвано стояла от каждого толчка Алекса, а то, что этот наглец, увидев меня, не прервал их горячее сношение, не начал оправдываться и просить меня ничего не говорить Лане. Нет. Он просто улыбнулся и, не отрывая от меня взгляда, продолжил долбиться в стонущую женщину, что была как минимум лет на двадцать старше его.

Я настолько оторопела от его вопиющей наглости, что даже испортить ему весь кайф не смогла. Просто застыла как истукан и смотрела на них до тех пор, пока Уокер с хриплым стоном не кончил в миссис Краус. А затем выбежала из библиотеки и на всех парах помчалась к Лане с целью быстрее ей всё рассказать. Однако сделав это, я получила ещё один неприятный сюрприз.

Лана не поверила ни одному моему слову! Ни одному! Нормально? И это учитывая то, что с Алексом на тот момент она встречалась всего несколько месяцев, а со мной дружи-

ла практически с пелёнок. Но что бы я ей ни говорила, как бы ни заверяла, что я воочию видела измену Уокера, она наотрез отказывалась мне верить, неустанно повторяя, что я, видимо, обозналась.

Подруга настолько была влюблена в него, что у неё напроць отключились мозги. Даже когда она сама начала постоянно видеть Алекса обнимающимся с разными девицами, Алана всё равно не расставалась с ним. Каждый раз устраивала истерики, разборки, выяснение отношений, но по итогу всё заканчивалось тем, что она его прощала. И я ничего не могла с этим поделать.

Все мои доводы о том, что нужно слать этого козла куда подальше, а не слушать его лживые бредни, напроць игнорировались.

Алекс для неё стал чуть ли не пупом земли. А она для него – кем-то вроде преданной фанатки, которая пылинки с него сдувала и верила всему, что он говорит.

Уокер вскоре насколько оборзел, что даже не пытался скрывать свои похождения. Да и, собственно, зачем? Он ведь знал, что Лана в любом случае спустит ему с рук все выходки и измены. Парить голову по поводу конспирации не было необходимости.

Ссорились эти двое чуть ли не каждую неделю. И если Лана тяжело переживала их ссоры, постоянно плакала, не высыпалась и мучилась от вечных подозрений в измене, то Алекс оставался абсолютно спокойным.

Скажу даже больше: он кайфовал от их вечных с Аланой скандалов, и я ни капли не шучу.

Если нормальные парни терпеть не могут женские истерики, то Уокер словно питался ими, наполняя себя живительными силами. Он специально доводил Алану до слёз и держал её возле себя в роли своей постоянной девушки.

Он драма-вампи́р. Отвечаю! А ещё нахал, эгоист и негодяй, которому в итоге стало недостаточно просто изменять Лане. И он решил поссорить ещё и нас... Но вновь прокручивать в голове тот случай я сейчас не желаю, иначе немедленно отыщу его в коридорах университета и задущу собственными руками.

– Как думаешь, зачем он пришёл сюда? – взволнованным голосом спрашивает Лана, когда мы входим в здание Спрингфилда.

– Не знаю, но точно не для того, чтобы повидаться с лекторами.

– А зачем вернулся в город? Он же должен быть сейчас в Нью-Йорке.

– Откуда ты знаешь, где он должен быть? Вы что, общаетесь? – бросаю я на подругу настороженный взгляд.

– Нет, он просто есть у меня в Твиттере.

– И почему ты до сих пор на него подписана? В кайф следить за жизнью уроды, который обращался с тобой как с ничтожеством?

– Я не слежу за ним, Рони. Не заводись.

– Я не могу не заводиться, пока знаю, что ты можешь с ним столкнуться.

– Да не собираюсь я с ним сталкиваться.

– Ага. Так я тебе и поверила. Я засекла твой взгляд на улице. По нему без слов понятно, что ты счастлива его видеть.

– Неправда. Я просто удивилась. Прекрати выдумывать то, чего нет.

– Даже если я выдумываю что-то, мы не можем быть уверены, что Алекс сам не собирается вновь ворваться в твою жизнь и испортить её, – с раздражением выдвигаю свой домысел. И при этом сама не понимаю, что меня бесит больше – новость о возвращении Алекса или нескрываемая радость подруги?

– Так ты думаешь, он вернулся из-за меня? – повеселев, выдаёт Алана, мигом отвечая на мой мысленный вопрос.

Меня бесит второе. Определенно второе!

– Нет. Я не знаю, зачем он сюда приехал. И умоляю тебя, даже думать не смей искать с ним встречи, чтобы узнать причину его возвращения.

– Я же сказала, что не буду нарочно его искать!

– Значит, если он сам подойдёт, ты его не отошьёшь?

– Рони, хватит капать мне на мозги!

Теперь в тоне Ланы я слышу раздражение, но мне плевать. Хватаю её за локоть, заставляя остановиться.

– Я буду капать, сколько потребуется, лишь бы ты не вступила в одно и то же уокерское дерьмо в стотысячный раз.

Неужели ты забыла, до какого состояния он тебя довёл, а потом бросил?

– Я всё помню, Рони, но...

– Никаких «но»! – резко пресекаю её лепет. – Ничего не хочу слышать, кроме твоего обещания, что ты не станешь с ним даже разговаривать.

– Слушай, я вообще-то не маленькая девочка, и могу сама принимать решения, – она резко вырывает руку из захвата моих пальцев. – Может, хватит играть мою вторую мамочку, Вербника?

– Скорее первую, Лана. Ведь только я в прямом смысле подтирала тебе сопли и помогала выйти из депрессии после его отъезда. Катрина была занята делами поважнее, – на эмоциях давлю на её болезненное место, сразу же жалея о сказанном.

– Спасибо, что напомнила, – бурчит подруга, и её зелёный взгляд наполняется влагой.

Чёрт!

Я частенько не могу контролировать свой язык. А именно —говорю людям в порыве злости или волнения до жути неприятные вещи, которые говорить совсем не стоит, даже если они правдивые. И особенно их не стоит говорить любимым людям. А уж тем более – самому ранимому из них.

Я намереваюсь сейчас же извиниться перед Ланой, но она не позволяет.

– Я не хочу продолжать разговор с тобой. Мне пора на лекцию.

– Лан, прости, я не хотела, – кричу я ей вслед, но подруга даже не оборачивается и совсем скоро скрывается за поворотом.

Я запрокидываю голову назад и шумно выдыхаю.

Шикарное начало дня, ничего не скажешь.

Интересно, что ждёт меня дальше?

В целом – не знаю, но по расписанию первой стоит лекция по медиафилософии. А это значит, мне нужно поторопиться, чтобы успеть войти в аудиторию раньше, чем туда явится вечно недовольная всем Урсула.

Так мы прозвали лектора Скарлетт Донован за её поразительную схожесть со зловещей морской ведьмой из диснеевского мультика «Русалочка».

Она мрачная, тщеславная, властолюбивая и такая же объёмная, как Урсула. Седые короткие волосы, синеватые тени, ярко накрашенный красной помадой рот, даже цвет кожи немного напоминает серо-лавандовый цвет мультяшного персонажа.

В общем, видок у неё жуткий. А характер ещё круче. Каждый студент в курсе, что этой дамочке лучше не перечить, иначе зачёт в конце года не удастся получить, даже если зубришь предмет на зубок.

А что касается опозданий на лекцию... Ох, в этом плане Урсула совсем строгая. Всех, кто порывается войти в аудиторию после её появления, она незамедлительно разворачивает и выгоняет в коридор. И плевать ей хотелось на причи-

ну опоздания. Она даже не даёт возможности оправдаться.

Я ускоряю темп до максимума и добираюсь до нужной аудитории в кратчайшие сроки. К счастью, мне везёт – Урсулы ещё нет. Как, впрочем, и свободных мест на задних рядах, подальше от неприятной лекторши.

Но ладно, это уже мелочи. Главное, я успела прийти вовремя. И стоит мне только уместить свою пятую точку на стул в первом ряду, как в аудиторию входит Урсула, мгновенно вынуждая всех заткнуться. Без слов, без требовательных взглядов, всего лишь своим появлением. За несколько секунд в помещении воцаряется абсолютная тишина, и Урсула, как всегда пропустив приветствие, сразу приступает к теме лекции.

Разумеется, сейчас мне нет никакого дела до монолога миссис Донован, нудного от долголетней работы. Все мои мысли заняты неожиданным появлением Алекса и теми последствиями, что оно может повлечь. А также Ланой, которую я нечаянно обидела.

Не люблю с ней ссориться. И уж тем более задевать её за живое. Как только лекция закончится, побегу искать подружку, чтобы поскорее устаканить наш небольшой конфликт и ещё раз убедиться, что она не станет искать встречи с Алексом.

Я помню, какой неадекватной, по уши влюблённой овечкой Лана была рядом с ним три года назад. И мне очень страшно, что подобное может повториться. Я не хочу пере-

живать вместе с ней тот же кошмар ещё раз. Нет уж! Увольте!

Варясь в тревожных мыслях, я ни в какую не могу сосредоточиться на скучном бормотании Урсулы. Приободряюсь, лишь когда минут через десять её голос внезапно затихает.

Предположив, что ведьма заметила, что я витаю где-то далеко от аудитории, я расправляю плечи и фокусирую взгляд на ней. Но тут же расслабляюсь – её внимание обращено не к моей рассеянной персоне и даже не в сторону студентов. Она смотрит на входную дверь.

– Прошу прощения за опоздание. Был у ректора.

Слышу до боли знакомый мужской голос и тороплюсь. А стоит в помещении войти тому самому высокому статному мудаку, я и вовсе впадаю в ступор.

Он выглядит именно таким, каким я его помню. Каштановые волосы слегка растрёпаны, щёки и подбородок покрыты лёгкой щетиной, те же широкие плечи, узкие бёдра и жилистые руки, усыпанные реками вен. Только черты лица за три года ещё больше заострились, и одет Уокер почему-то во всё чёрное, хотя всегда говорил, что чёрный цвет терпеть не может. Взгляд карих глаз какой-то безучастный, а на губах ни намёка на улыбку, что «душе компании» и «змею-искусителю» Алексу в корне не присуще.

Но все эти странности второстепенны.

Главный вопрос – какого чёрта происходит?! Что Алекс здесь забыл? И что за спектакль он решил устроить? Соскучился по университетским годам и решил во второй раз на

выпускной курс заглянуть? Да ещё и на факультет чуждой для него журналистики? Что за бред?!

Хотя я даже рада! Ведь совсем не к тому лектору он без спроса заявился на лекцию. Сейчас Урсула быстренько поставит его на место и выгонит отсюда как безнадёжного двоюродника.

– Всё в порядке, Уокер. Мистер Изнер предупредил, что ты можешь опоздать. Проходи и включайся в тему лекции, – сухим, но несколько не возмущённым голосом проговаривает женщина.

Что, простите?!

Я сплю?

Как это понять?

Что значит «проходи и включайся в тему лекции»?

Урсула после летнего отпуска ещё не пришла в себя?

Алекс сейчас должен за тысячу километров включаться во что угодно, а не быть здесь!

Но так, видимо, считаю только я одна. Урсула вновь возобновляет свой монолог, а Алекс преспокойно, уверенной походкой топаёт к единственному свободному месту на пятом ряду, которое я каким-то образом умудрилась не заметить.

Я ничего не понимаю! От слова совсем! Чуть ли не разинув рот от удивления, я слежу за каждым движением парня, словно зачарованная. И делаю это в открытую, позабыв обо всём на свете, вплоть до тех пор, пока Урсула не рявкает на

меня:

– Майлз, может, мне стоит позвать Уокера вести лекцию вместо меня, чтобы ты свою шею так не сворачивала?

Вот же дерьмо!

Все студенты, включая самого Алекса, мигом переводят взгляд на меня.

Я быстро разворачиваюсь и извиняюсь перед Donovan, а затем потупляю взгляд в стол, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Но не от смущения. Тут что-то иное. Ведь кроме тотального недоумения я сейчас ничего испытывать не могу. Особенно когда в ответ на высказывание Урсулы я не слышу ни одного комментария от вечно болтливого Алекса.

Ни колкости. Ни флирта с девчонкой, обратившей на него внимание. И ни одной шуточки, от которой засмеялся бы в голос весь курс.

Как так?

Почему он молчит? Это на него совсем непохоже.

Смачная порция новых вопросов захламляет мозг и усиливает состояние шока настолько, что меньше чем через пару минут я вновь не сдерживаюсь и аккуратно оглядываюсь назад.

Но увы, украдкой посмотреть на него не получается. Только я нахожу ненавистное мне лицо, которое все девушки Спрингфилда считали поистине красивым, как тут же встречаюсь с карим взглядом Алекса.

Оказывается, он тоже по-прежнему пялится на меня. При-

стально. Будучи абсолютно спокойным. Без тени улыбки на губах.

Наверное, мне стоит резко отвернуться, но почему-то не получается. Даже несмотря на то что кожа моего лица прямо-таки кипит от его прицела. Дикое любопытство примагничивает мой взгляд к его персоне в надежде раскрыть тайну: какого лешего он тут забыл?

И если бы не крупница разума, истошно напоминающая мне, что Урсула во второй раз одним язвительным комментарием не ограничится, я бы так и пялилась на него до конца пары.

С трудом заставляю себя перевести взгляд на тучную женщину, всерьёз задумываясь о вероятности, что я попала на программу «Розыгрыш», и вот-вот оператор со всей съёмочной командой выскочит из ниоткуда и сообщит, что всё происходящее – подстава.

И честно говоря, это была бы лучшая новость за сегодняшнее утро. Потому что если Алекс действительно вернулся в Спрингфилд, решив на сей раз повеселиться столь странным способом, то я официально заявляю: совсем скоро случится беда.

Глава 3

Верóника

Сначала во время перерыва я хотела найти Лану, но неожиданное появление Алекса в аудитории внесло в мои планы коррективы.

Все бесконечно долгие минуты лекции я представляла, как сразу после её окончания подлечу к Уокеру и вытрясу из него правду – почему он вернулся сюда и что именно задумал? Однако сделать это у меня не получилось благодаря противной Урсуле.

После пары она подозвала меня к себе и в наказание за незаинтересованность в лекции задала написать доклад о сегодняшней теме. Когда же мне наконец удалось освободиться от злобной карги, Алекса в аудитории уже не было.

– Прекрасно! Лучшего начала года и не придумаешь, – шагая по коридору университета, недовольно бурчу я и в уме ужасаюсь тому, сколько времени мне придётся потратить на выполнение дополнительного задания Урсулы.

И когда мне кажется, что этот паршивый день не может стать ещё паршивее, я издалека замечаю Райана, спускающегося по лестнице с другом.

Сердце пропускает удар, когда среди толпы мой мозг вы-

деляет спортивную фигуру бывшего. Его песочного цвета волосы красиво переливаются в лучах солнца, проскальзывающих из окон, а звонкие ноты родного смеха словно дротиками прокалывают мою грудную клетку.

Я не хочу так на него реагировать, ведь сама была инициатором нашего разрыва, но ничего не могу поделать. Два года отношений и море совместных счастливых моментов так просто не вырвать из памяти.

Райан был моим первым во многих смыслах этого слова. До него у меня не было серьезных отношений с парнями. Так, чисто непродолжительные романы, не заходящие дальше второй базы.

Только с Райаном я осмелилась продвинуться дальше. А всё потому, что очень любила его. Да что уж там. Я и сейчас люблю. Проблема лишь в том, что я не влюблена в него больше. И уверена, что он в меня тоже. Просто Райан наотрез отказывается это признавать, то и дело пытаюсь возобновить наши потухшие отношения.

Несмотря на то что убежать от проблем совсем не в моём стиле, я как последняя трусиха намереваюсь скрыться, до того как Райан меня заметит.

Правда, когда я резко оборачиваюсь, то даже шагу ступить не успеваю, со всей силы врезаюсь в чей-то огромный корпус.

– Я тебя не преследовал! – испуганно выпаливает парень, а я роняю сумку, и всё содержимое вываливается на пол.

– Чёрт! – спешно опускаюсь вниз.

– Прости... Я... Я... Не хотел... Т-так получилось... – бурчит он заикаясь и неловко помогает мне собрать все вещи.

– Да ты-то за что извиняешься? Это я на тебя налетела.

– Я... Я... Н-нечаянно... Я... – он продолжает лепетать что-то бессвязное, но я уже не вникаю в суть.

Максимально быстро забрасываю вещи в сумку и оборачиваюсь назад. В толпе Райан меня не видит, но он уже довольно близко. И если я сейчас же что-нибудь не предприму, то нашей встречи будет не миновать.

Вновь смотрю на дерганного парнишку, в которого я впечаталась. Бегло оцениваю его немалые габариты и мигом нахожу решение.

– А ну-ка иди сюда, – хватаюсь руками за его майку и тяну за собой в сторону окна.

Прислоняюсь задом к подоконнику и плотно прижимаю парня к себе, прячась за ним, как за стеной.

Хотя почему как? Ботан настолько пугается моих действий, что его тело в одно мгновение превращается в бетон.

– Т-ты... т-ты... что де-делаешь? – ещё больше ужасается он, когда я обвиваю его шею, заставляя наклониться ко мне ближе.

– Спасая себя от встречи с бывшим. Не паникуй! Я ничего тебе не сделаю, – шепчу я возле его губ.

– Я... я... не паникую.

– Ага. Заметно. Просто, пожалуйста, постой спокойно ещё

несколько секунд, и я тебя отпускаю.

– Л-ладно, – выдавливают он так, словно я – огромный танкер, а не девушка.

Что за неопределимый страх? Не понимаю. Да и плевать, если честно. Сейчас главное – остаться незамеченной. И, к моему великому облегчению, мне это удастся.

Украдкой отследив, что Райан прошёл мимо и скрылся с поля зрения, я протяжно выдыхаю и утыкаюсь лбом в окаменевшую грудь паренька.

А как его сердце бьется! Рехнуться можно. Слово он барабан проглотил, который застрял в клетке ребер и отбивает там сумасшедший ритм.

– Да расслабься ты. Чего так напрягся? Я же сказала, что ничего тебе не сделаю, – с усмешкой успокаиваю парня, но увы, он остаётся таким же напряженным.

Лишь когда я наконец отпускаю его шею, позволяя сделать шаг назад, он с облегчением выдыхает.

– Ничего себе! Я что, настолько страшная? – хмурюсь от удивления, и густые брови ботана взлетают вверх.

– С-страшная? Н-нет... Н-нет... Как ты... м-могла такое подумать?

– Сужу по твоей реакции.

– Ой! Н-нет... Н-наоборот... Ты чересчур красивая, – нервно лепечет он, поправляя съехавшие с носа очки, а затем проводит пятерней по тёмно-русым, идеально приглаженным волосам.

– Значит, от моей неземной красоты так окаменел? – едва сдерживаю улыбку, наблюдая за его неуклюжими дерганными движениями.

– Д-да.

– Прямо везде-везде окаменел?

Первые пару секунд парень не врубается, о чём я, а потом всё его лицо начинает стремительно покрываться красными пятнами.

И тут я не сдерживаюсь и срываюсь на смех.

– Боже! И откуда ты такой милый появился? – легонько ударяю парня по плечу, желая его расслабить.

– Я... я всегда здесь был.

– Да? И почему я тебя раньше не видела?

– Меня никто н-никогда не в-видит, – серьёзно произносит он, потупив взгляд в пол, и весь мой смех разом улечивается.

Теперь понятно, почему он такой зажатый и зашуганный. Но непонятно, как такой громила мог остаться невидимкой? Тем более для меня – той, что всегда обращает внимание на интересных, нестандартных по внешности людей. А этот парень именно такой.

Рубашка в клетку, очки как у Кларка Кента. Да и по размерам он вылитый Супермен. Парень ростом метра два, если не больше, и довольно крупный. Нет. Не толстый, а именно крупный. Настоящий бугай, который одним толчком с лёгкостью может откинуть человека на несколько метров. Но

при этом черты лица у него довольно милые: губы красивой формы, нос чуть большеват, но общую картину не портит, а тёмные испуганные глаза с опущенными уголками делают его похожим на добряка, что и мухи обидеть не способен.

– Тебя как зовут?

– С-тив Райт.

– Приятно познакомиться, Стив. Я Вероника Майлз, – протягиваю руку своему застенчивому спасителю.

– Я... знаю, – отвечает он и, недолго помешкав, сжимает мою ладонь своей огромной ручищей.

– Знаешь?

– К-конечно. Тебя все знают. И я тоже.

– В таком случае ты также должен знать, что я не кусаюсь и не ем на завтрак таких внушительных мужчин, как ты. Прекрати так нервничать. Я тебе никак не наврежу. Боюсь, это ты мне сейчас руку сломаешь, если продолжишь так сильно сжимать.

– Ой! – Стив резко расслабляет пальцы и прижимает ладонь к своему животу. – П-прости... Я не хотел делать тебе б-больно.

– Да всё нормально. Я же шучу. Выдохни уже наконец и лучше ответь: почему ты меня преследовал?

– Я? – он в ужасе округляет глаза. – Я же с-сказал, что не п-преследовал.

– Чем себя и выдал, – дружелюбно улыбаюсь. – Давай, колись. Зачем ты это делал? И советую не отнекиваться и не

тянуть время. Я всё равно докопаюсь до правды.

Гигант-милашка Стив поджигает от волнения губы, но всё-таки решает признаться.

– Я шёл за тобой, чтобы дать тебе это, – он вынимает из портфеля продолговатую коробочку и неуверенно протягивает её мне.

– Что это? Неужели подарок?

– Д-да... П-подарок, – тихо бормочет он, но как только замечает, что я намереваюсь развязать бантик, вдруг повышает голос: – Нет! Ты только не открывай!

На сей раз округляю глаза я.

– Почему мне нельзя его открыть?

– П-потому что он не для тебя.

Стиву удаётся вконец ввести меня в замешательство. И он это явно считывает по моему лицу.

– Я х-хотел попросить, – от нервов он до побелевших костяшек сжимает пальцы на ручке портфеля. – Ну... если тебе не сложно, то ты м-могла бы... – Стив опять поджигает губы и морщится так, будто все слова превратились в гвозди и встали поперёк горла.

– Ну, что могла бы? Рожай уже. Я не убью тебя. Максимум откажу, если мне не понравится то, что ты попросишь.

– Ты могла бы передать этот подарок Алане? Он для неё, – спешно тараторит парнишка и вновь покрывается пунцовым румянцем, заставляя мои губы расплыться в улыбке.

Значит, Стив запал на Лану? Эх, бедняга! Каким бы

огромным милашкой он мне ни казался, к сожалению, он полная противоположность её любимого типажа парней. Однако говорить я ему об этом не собираюсь. К чему расстраивать парня? Он и так, вероятнее всего, несколько дней набирался смелости, чтобы подойти ко мне, а сейчас десятью потоми облился, пока выдавливал из себя эту просьбу.

– Хорошо. Без проблем. Передам, – отвечаю я, но вместо радости на лице Стива замечаю крайнюю степень удивления.

– Серьезно?

– Конечно. Мне не сложно. К тому же не хочу, чтобы ты рухнул в обморок или ещё хуже – наложил в штаны от страха, если попытаешься сам отдать подарок Лане.

– Б-боже... Сильно заметно, что я н-настолько плох, да? – почёсывая затылок, спрашивает Стив.

– Нет. Ты как раз-таки весьма неплох, но вот твоя уверенность в себе уж очень сильно хромает.

– Я знаю, – с сожалением соглашается он.

– Знаешь и ничего с этим не делаешь?

– А что я т-тут могу п-поделать?

– Очень много чего, Стив. Для начала в зеркало на себя посмотреть и понять, что ты один такой большой, красивый и неотразимый на белом свете. Второго такого нет. И хотя бы только за это тебе нужно себя хвалить и любить, – с улыбкой хлопаю его по плечу и вдруг даже сквозь гам студентов различаю мелодичный голос Ланы.

Стив тоже слышит и предсказуемо превращается в ка-

мень. А стоит мне повернуть голову вправо и увидеть, с кем именно подруга столь активно разговаривает, и я тоже окаменеваю.

Алана, мать её, разговаривает с Уокером!

Разговаривает, улыбается во все тридцать два зуба и откидывает копну волос за спину, ещё больше открывая перед Алексом вырез декольте.

Флиртует дура!

Я так и знала, что она не сдержится! Грабли – однозначно её любимый инструмент. Но никак не мой! И я не намерена переживать с Аланой всё, что непременно случится, когда этот козёл опять вытрет об неё ноги!

– У тебя т-такой взгляд, б-будто ты собираешься кого-то убить, – констатирует Стив, а я и не думаю отрицать.

Я на конкретном взводе. И не передать, каких титанических усилий мне стоит спокойно стоять и ждать на расстоянии, пока Алана наболтается с Уокером и изящной походкой направится в сторону нужной аудитории. А как только подруга скрывается из виду, я тут же срываюсь с места.

Всего мгновение – и вот я уже стою за широкой спиной подонка.

Ещё одно – грубо хватаю его за плечо, заставляя повернуться ко мне.

Третье – и я злобно бросаю ему в рожу:

– Только попробуй опять начать играть в свои мерзкие игры, Уокер, и я лично тебе член оторву! Клянусь!

А дальше... дальше происходит нечто непонятное. Алекс не огрызается, не шлёт меня на хрен, как он частенько любил это делать с теми, кто смел на него наезжать, а лишь немного удивляется и начинает молчаливо изучать меня своими шоколадными глазами так, будто никогда прежде не видел.

Секунду, пять, десять, двадцать, а затем он просто слабо улыбается. Впервые за сегодняшний день. И от его улыбки складывается ощущение, будто пол проваливается под ногами, а вся кровь в теле начинает бурлить, гудеть и лететь по венам, ударяя мощным потоком по всем нервам и артериям.

Мне кажется, впервые в жизни я физически ощущаю этот внутренний процесс. Помимо всего остального, что со мной творится.

Лицо буквально сгорает под его изучающим взглядом, дыхание сбивается, а голова кружится, словно я только что сошла с карусели.

Это что ещё за странности со мной происходят? Я уже давно не смущаюсь и никого не стесняюсь, но под его прицелом сейчас ощущаю себя такой же растерянной, какой ощущала себя на сцене во время первого школьного выступления.

– Грандиозные у тебя планы на мой член, однако, – приподняв одну бровь, Алекс нарушает затянувшееся молчание. – Уверена, что он тебе ещё не пригодится?

Его наглость поражает до немоты, а плутоватый взгляд, медленно сканирующий меня с головы до пят, вконец сжига-

ет кожу лица и до запредельных скоростей разгоняет сердце.

Да что такое со мной творится?! Это же Алекс! Алекс! Да, он хорош собой, ничего не скажешь. Но он – редкостное чмо, при виде которого меня всегда воротило. И сейчас ничего не изменилось. Он всё тот же мудака! А я всё так же хочу уберечь от него мою дурную подругу.

А ну живо приди в себя, Вероника, и выскажи этому клоуну всё, что надо!

– Я повторяю, – проигнорировав его вопрос, медленно выдыхаю, чтобы вернуть себе пошатнувшееся равновесие. – Если попытаешься опять привязать к себе Алану и начнёшь издеваться над ней, я тебя кастрирую. Моя рука не дрогнет. Слово даю, – цежу я, сильнее сжимая сумку пальцами, которые почему-то предательски подрагивают.

– Так ты о своей подружке беспокоишься? О той, с которой я сейчас разговаривал? – уточняет он.

Причём с таким искренним недоумением, будто в самом деле не понимает, о ком я говорю.

– Слушай, я не знаю, что за театр ты здесь устраиваешь и зачем вообще вернулся в универ, но я тебя предупредила.

– Твоё предупреждение больше смахивает на угрозу, – он слегка наклоняется ко мне, обдавая до жути приятным ароматом парфюма. – Алана была куда более приветливой, чем ты. Взяла бы с неё пример, – ухмыляется он.

И эта его ухмылочка вдребезги разбивает мою сдержанность.

– Не смей к ней даже подходить, Алекс! – повышаю голос я.

– Вообще-то, она сама ко мне подошла, – спокойно отвечает Уокер, и у меня, чёрт побери, все мысли покидают голову.

Он слишком близко ко мне стоит. Слишком пристально изучает лицо. И слишком бурные процессы вызывает в моём организме.

– Что здесь происходит, Рони?! Ты что вытворяешь?!

Я вздрагиваю от неожиданности, и мы с Алексом одновременно поворачиваем головы в сторону вернувшейся Ланы, что буравит меня негодующим взглядом.

Но мне плевать. Пусть злится, сколько пожелает. Это лучше, чем потом месяцами слушать её жалостливые рыдания.

– Я ничего не вытворяю. А просто рассказываю Алексу о том, что его ждёт, если он вновь попытается тебя обидеть, – скрестив руки на груди, сообщаю я и отступаю от Уокера, возвращая себе способность нормально дышать.

– Он меня не обидит, Вероника! – уверенно парирует она.

Я безрадостно усмехаюсь, закатывая глаза. Опять двадцать пять!

– Конечно, обидит. Алекс только это и умеет делать. И честно говоря, я вообще не понимаю, почему ты заступаешься за него?

– Потому что он – не Алекс, – бросает подруга, словно ударяя меня кирпичом по голове.

В полнейшем замешательстве я перевожу взгляд на парня, который стопроцентно является Алексом, и всё понять никак не могу, что за ерунду только что сморозила Лана.

– Очень рад познакомиться, Верónica, – Уокер произносит моё имя с такой бархатной интонацией, что вся кожа внезапно покрывается мурашками. – Ты действительно что-то попутала. Я не Алекс, я его брат – Мэтт.

Глава 4

Верóника

Новость о том, что Алекс Уокер не такой уж уникальный, мягко говоря, повергла меня в шок. Особенно, когда мне удалось выяснить, что неизвестно откуда появившийся Мэтт является не его близнецом, а погодком.

Поразительно! Они же как две капли воды! Вообще не отличить. Бывает же такое.

А вот как так могло произойти, что за всё время общения с Уокером и его друзьями мы с Ланой не узнали, что у него есть младший брат – для меня загадка.

Это как же так получилось-то? В уме не укладывается. Алекс ни разу не упоминал его имя в компании, ни разу не рассказывал о совместных историях с братом, а когда мы приходили к нему домой на вечеринки, Мэтта мы никогда там не встречали.

Благодаря настырности мне быстренько удалось вытрясти немного информации из одного из друзей Алекса об этом таинственном товарище.

Оказывается, после первого курса он перешёл на заочное обучение и уехал вместе с родителями в Германию, а после третьего курса Мэттью и вовсе взял академический отпуск

на целый год. Причину этого, к сожалению, друг Уокера отказался мне говорить или же действительно не знал её. А с самим Алексом я и не думала связываться, даже несмотря на сильное желание узнать о Мэтте все до единого факта.

И я обязательно всё узнаю. Иначе я буду не я. Но почему он уехал и, что более важно, – что на самом деле представляет собой этот, на первый взгляд, спокойный кадр, я стану вычислять далеко не из праздного любопытства, и уж тем более не из личного интереса, а ради Аланы, которая чуть ли не круглосуточно проводит время с Уокером-младшим с первого дня его появления.

Мы с подругой уже целый месяц практически не видимся. Редкие короткие диалоги в универе, во время которых она без умолку трещит о «бесподобном» Мэтте, я не считаю за встречи.

Алана вновь позабыла обо всём остальном мире. И вновь сделала это из-за Уокера, совершенно не думая о последствиях.

И неважно, что он – не Алекс. Мне вполне хватает того, что Мэтт его родной брат, чтобы не доверять ему. А ещё он меня несказанно бесит. Не знаю почему. Со мной такое впервые. Обычно я к людям отношусь дружелюбно до тех пор, пока они не доказывают, что они того не заслуживают. Но с Мэттом всё иначе. Он с первого взгляда не понравился мне, даже когда ошарашил заявлением, что он не тот, за кого я его приняла в начале. И чем дольше я вижу их с Ланой вместе,

тем больше возрастает моя неприязнь к нему.

На прошлой неделе, когда подруга пришла с ним за ручку на вечеринку одного из наших общих друзей, меня аж передернуло. А каждый раз, когда Алана приводила его в нашу компанию в универе, я тут же быстренько ретировалась.

Меня раздражало одно лишь его присутствие, с его вечным спокойствием или, скорее, откровенным пофигизмом по отношению ко всему, что его окружает. В том числе и к Алане.

Она то и дело летает вокруг него как воробушек, трогает, обнимает, щебечет постоянно о чём-то своём, а он лишь молчаливо слушает и изредка кивает в ответ. А Лана как будто не замечает его равнодушия! Её глазки лихорадочно блестят при взгляде на него, а о своем французе Доминике она, по ходу, уже и думать забыла.

Как, впрочем, и обо мне!

Немыслимо просто!

– Что такого ужасного тебе сделал этот блинчик, Рони? – насмешливый голос мамы вырывает меня из неприятных размышлений.

Смотрю в тарелку, а там, благодаря моим неосознанным стараниям, румяный блин превратился в нечто, похожее на кашу.

– С тобой всё в порядке? – интересуется она, скидывая новую порцию блинов в глубокую пиалу.

– Да, всё хорошо.

– Что-то незаметно. С учёбой какие-то проблемы?

– Нет.

– С Райаном?

– Тоже нет.

И я не вру.

К счастью, за этот месяц мы с ним практически не пересекались. А когда ему удавалось меня поймать в университете, я каждый раз максимально быстро сворачивала нашу беседу.

– Тогда дело в Алане? – не прекращает допытываться мама. – Она давно к нам не заглядывала. Вы с ней поссорились, что ли?

– Как можно поссориться с той, кого практически не видишь? – бурчу я и делаю глоток кофе. Есть что-то вконец расхотелось.

– И кто на этот раз занимает все её мысли? – со смешком уточняет мама, в то время как мне совсем не до смеха.

– Уокер.

– Что? Опять он объявился?

– Нет. Не он. А его брат.

– Я не знала, что у него есть брат.

– Об этом, похоже, никто не знал. Но он есть. И Лана опять летает на седьмом небе от счастья и ни на секунду не может от него отлипнуть.

– И почему ты злишься? Разве ты не должна порадоваться за подругу?

– А чему тут радоваться? Всё непременно закончится бе-

дой. С Уокерами по-другому быть не может.

– С каких это пор ты так предвзято относишься к человеку, которого совсем не знаешь?

Я хмурюсь, сама до конца не понимая, почему так негативно воспринимаю их с Мэттом отношения, даже несмотря на то что пока он ничего плохого ей не сделал.

– Может, ты просто ревнуешь? – мама выдвигает абсолютно нелепый домысел, заставляя меня усмехнуться.

– Кого? Мэтта к Алане? Не говори ерунды. Мне нет до него никакого дела.

– Вообще-то, я имела в виду наоборот, но судя по твоей реакции, твой вариант больше похож на правду.

– Чушь! – протестую я. – Мне просто не хочется, чтобы Лана влюбилась по уши в копию Алекса, а потом вновь страдала.

– То, что у неё был печальный опыт с Алексом, не значит, что с его братом всё повторится.

– Знаю, но просто... – я заминаюсь, не находя верных слов, чтобы объяснить маме свои опасения насчёт этого странного парня.

И, к счастью, долго думать не приходится. Внезапный звонок, доносящийся из парадного холла, прерывает наш разговор, и я спешу отправиться к входной двери.

– Привет, привет! – здоровается Алана, входя внутрь, и тут же сковывает меня в объятия.

– Я уже не ожидала тебя увидеть сегодня, – сдавленно про-

говариваю я.

– Чего это? Я же обещала прийти на фирменные блинчики Саманты, – заявляет она таким тоном, будто всегда сдерживает обещания.

Последние три наши встречи Лана отменяла, а об одной и вовсе забыла, заставив меня два часа бессмысленно прождать её в нашем любимом ресторане, при этом не удосужившись ответить ни на один мой звонок.

Как выяснилось на следующий день, она не слышала вибрации, потому что была слишком занята. И опять Мэттом.

– Привет, Саманта! – Лана подходит к маме и целует в щёку.

– Привет, дорогая. Давно ты к нам не заглядывала.

– Прости, времени не было. Начало учебного года выдалось загруженным.

Я незаметно от Ланы закатываю глаза.

Ох, если бы это учёба занимала всё её время.

– Ммм... Какая вкуснотища, – подруга наклоняется к пиале с панкейками и вдыхает. – От одного запаха слюнки до пола. Я умираю от голода.

– Тогда садись, налетай на блины и рассказывай, почему светишься как лучик, – интересуется мама и бросает на меня короткий насмешливый взгляд, в ответ получая отчаянное: «Ну зачем ты задала этот вопрос? Смерти моей хочешь?».

А она реально может наступить – с первой же секунды, как Лана начинает рассказывать о своём возлюбленном, мне

повеситься хочется. Я слышала всё это уже неоднократно. В печенках у меня уже сидит этот Мэтт.

– А ты чего такая хмурая? – спустя минут двадцать Лана наконец обращается ко мне.

– Не выспалась, – бурчу я и, не желая проявлять перед ней недовольство, начинаю копаться в своей сумке.

– Точно дело только в этом? Ты в последнее время постоянно не в духе.

– Я же сказала: не выспалась, – повторяю более резко, за что получаю укоризненный взор от мамы и спешу исправиться. – Всё нормально, Лан. Просто немного устала за этот месяц. После первой неудачной лекции Урсула мне спуску не дает. Каждый раз задаёт дополнительные задания.

Не глядя на подругу, перебираю вещи в сумке и внезапно натываюсь на подарок Стива.

– Кстати, это тебе. Всё забывала отдать, – протягиваю продолговатую коробочку Лане.

– Подарочек? – широко улыбается она. – А по какому поводу?

– Ни по какому. И он не от меня.

– А от кого?

– От Стива.

– Это ещё кто такой?

– Парень, которому ты нравишься. Он очень стеснительный, поэтому попросил передать его через меня.

– Как мило, – усмехается Алана и, вместо того чтобы от-

крыть подарок, забрасывает его в сумочку.

– Ты даже не посмотришь, что там?

– А зачем? Мне не нужны никакие поклонники и подарки от них. У меня есть Мэтт, – с улыбкой от уха до уха выдаёт подруга.

У меня аж челюсть сводит от раздражения, а язык так и зудит высказать Алане всё, что я думаю о её помешательстве на парне, которого она совершенно не знает.

Да только все мои возмущения остаются при мне. Ланин айфон начинает звенеть, и она незамедлительно отвечает на вызов.

Мгновение – и лицо Аланы начинает сиять ярче бриллиантового ожерелья на её шее, а голос наполняется радостью.

Всю следующую минуту я стараюсь не слушать её воодушевлённую беседу, переполненную милыми словечками, иначе меня точно стошнит.

– Ты уже готова, Рони? – спрашивает Лана, закончив разговор.

– К чему?

– Как к чему? К универу. Мэтт с минуты на минуту за нами заедет.

Что?! Только этого мне не хватало.

– Я думала, мы поедем вдвоем, – цежу я, на сей раз даже не пытаюсь скрыть недовольства.

– А в чём проблема?

– В том, что ты и дня не можешь провести без Уокера!

Когда мы с тобой в последний раз нормально общались? Можешь припомнить?

– Ты чего взъелась? Мы и при нём можем спокойно общаться. У меня от Мэтти секретов нет. Я ему всё рассказываю.

– А я не собираюсь этого делать! Я его не знаю. Он мне никто.

– А для меня он – всё! – пылко выпаливает Алана.

– В этом и вся проблема.

– Да что с тобой такое, Рони?

– Это с тобой что такое, раз ты добровольно и так быстро опять прыгаешь в то же болото?

– Мэтт никакое не болото. Он полная противоположность Алекса.

– Но это не гарантия того, что он лучше, чем Алекс.

– Я знаю, что лучше.

– Откуда? Ты с ним всего месяц знакома!

– И этого более чем достаточно, чтобы понять, какой он хороший. И ты бы тоже это поняла, если бы познакомилась с ним ближе.

– Спасибо, но я не горю желанием знакомиться с ним ближе. А то, боюсь, ты потом опять будешь обвинять меня в том, чего я не делала, – в сердцах затрагиваю наш с ней давний конфликт, который практически расстроил нашу дружбу.

– Девочки, не ссорьтесь, пожалуйста, – миролюбивым тоном встревает мама. – Ни один парень этого не стоит.

Я фыркаю. Будто я сама не в курсе. Я ни за что не забывала бы о Лане из-за какого-то мужчины. И уж тем более не верила бы ему больше, чем самой близкой подруге, с которой мы почти как сёстры.

Но что сейчас, что три года назад Лана часто забывала обо мне, а когда застукала нас с Алексом в одной постели, с легкостью поверила изменщику и лжецу, а не мне.

– Значит, ты с нами не поедешь? – уточняет Лана, с недовольством глядя на меня.

– Нет. Сама доберусь, – твердо отвечаю я.

– Что ж... Ладно. Как хочешь. Если не можешь за меня порадоваться и принять моего парня – дело твоё. Уговаривать и ни в чём убеждать тебя не буду, – с обидой произносит она и встаёт со стула.

Благодарит маму за завтрак, а после, не сказав больше и слова, уходит, заставляя меня в очередной раз почувствовать себя виноватой.

В этом вся Алана. Она всегда так делает.

Да только в чём я-то виновата? В том, что хочу хоть немного побыть с подругой наедине? Или в том, что хочу уберечь её от новой ошибки, к которой она несётся сломя голову, надев на глаза розовые очки?

Наверное, по мнению Аланы я виновата и в том, и в другом. Но раз так, то я умываю руки. В прошлый раз я поддерживала её и день изо дня наблюдала за страданиями подруги, но в этот раз я отказываюсь на это смотреть. Пусть дела-

ет, что пожелает.

Я предупредила. Причём неоднократно. Она, как всегда, не послушала. Поэтому если ещё один Уокер обидит её – Лана сама будет в этом виновата.

Мне же нужно начать больше думать о себе и своём будущем. Моя задача – закончить университет с максимально хорошими результатами, тем самым повысив шансы получить штатное место в газетном издательстве «Spring Times». А сделать это я смогу, только если перестану переживать за Алану и полностью сконцентрируюсь на учёбе.

Чтобы избавиться от ненужных мыслей и неприятного осадка после нашего с ней разговора, я решаю не вызывать такси, а прогуляться несколько кварталов до университета пешком.

Проследив в окно за тем, как Лана садится к своему парню в машину и они тут же срываются с места, я прощаюсь с мамой, надеваю поверх кремового платья тканевое пальто и выхожу на улицу, где буквально через пять минут жалею о выборе слишком лёгкой одежды.

Если вчера светило солнышко, то сегодня всё небо затянуто грозowymi тучами, а ветер не то что гнетущие мысли из головы выметает, а меня едва с ног не сносит.

Осень пришла по расписанию. С октября в Спрингфилде всегда начинается дождливая серая пора. Но ничего. Я не сахарная. Не растаю. К тому же я надеюсь, что успею добратсья до универа раньше, чем на меня повалит дождь.

Однако увы и ах! Надежда моя рухнет за две улицы до заветного здания, когда вдруг гроыхает раскатистый гром, что будто отдаёт команду резкому шквалу ливня ниспасть с небес мне на голову.

Шикарно!

В кои-то веки уложила с утра волосы и на тебе! И минуты не проходит, как влага уничтожает весь прикорневой объём и лёгкие волны, а тонкое пальто насквозь промокает вместе с платьем. Боюсь даже представить, что дождь сотворил с косметикой на лице.

Должно быть, теперь я похожа на облезлую крысу, отчего моё и без того скверное настроение падает ниже плинтуса. А за ним в следующий миг падаю и я. В прямом смысле этого слова – не заметив из-за лужи трещину в тротуаре, я подвернула ногу и завалилась прямо на мокрый асфальт.

Острая боль пронзает лодыжку, мелкие камушки неприятно вдавливаются в ладони. Я непроизвольно скулю и выпускаю порцию ругательств. И особенно грязные слова из моего рта начинают вылетать, потому что ни один из бегущих по своим делам прохожих не помогает мне встать. Ни сразу после падения, ни в течение следующих минут, пока я сижу на тротуаре, пытаюсь справиться с болью, а мимо проезжающие машины окатывают меня грязной водой из луж.

В прекрасном обществе мы живём, ничего не скажешь. Вывод отсюда один – надеяться можно только на себя. Что я и делаю: прикусив губу, лишь бы не расплакаться, превоз-

могаю дискомфорт в щиколотке и медленно встаю на ноги.

Оглядываю себя и с досадой выдыхаю. Теперь моё светлое пальто не просто мокрое, оно ещё и заляпано серыми разводами. И я не уверена, что мне удастся их вывести. А это Prada, вообще-то. Причём моё любимое! А ещё ладони жжёт и нога болит. У меня едва ступить на неё получается. Но я всё равно иду дальше. Медленно. Хромая. Проклиная весь белый свет и практически не видя улицы перед собой из-за мощного ливня.

Даже когда я наконец добираюсь до университета, лучше моё состояние не становится. Капли стремительным потоком стекают по лицу, мокрая одежда и волосы неприятно прилипают к коже. А времени, чтобы забежать в туалет и привести себя в порядок, как назло, уже нет. Первая пара начнётся с минуты на минуту.

Я направляюсь напрямиком на лекцию, по пути стягивая с себя грязное пальто, чтобы не привлекать внимание народа к своему безобразному виду.

Слава богу, грязь на платье не попала, что не может не радовать. А промокнуть может каждый. Уверена, я не одна, кто вышел сегодня из дома без зонта. Этим я точно никого не удивлю.

Однако стоит мне войти в аудиторию, как десятки глаз устремляются к моей персоне. Причём все осматривают меня с таким удивлением, будто я не мокрая явилась на лекцию, а голая. Не меньше.

Когда в глазах девушек я постепенно начинаю замечать осуждение, а в глазах той самой сплетницы и множества парней – нечто, похожее на восторг, я понимаю, что мои предположения оказываются не так далеки от истины.

Опускаю взор вниз и лишь сейчас замечаю, что промокшее платье стало, мать его, прозрачным. Настолько, что студенты, сидящие на первых рядах, без труда могут разглядеть даже узоры на моём нижнем белье и соски, заострённые от холода. Бюстгальтер же на мне без чашек, тканевый, облепляющий мою грудь, как вторая кожа.

Господи! Какой кошмар!

Моё тело как на ладони перед всей аудиторией, что глязет на меня не переставая. Застывший лектор смотрит на меня не менее изумлённым взглядом, отчего мне хочется провалиться сквозь землю.

Я никогда не комплексовала из-за своей фигуры, ведь занятия спортом – мои лучшие друзья. Но сейчас, после столь отвратительного утра и ещё более отвратительной дороги до универа, под прицелом десятков глаз я ощущаю себя вконец ничтожной, растерянной и выбитой из колеи.

Горло сдавливают от неловкости, глаза вновь начинают щипать. Мне хочется сбежать как можно дальше от всех ехидных смешков и пошлых комментариев, то и дело раздающихся в аудитории.

Но я не буду этого делать! Позорно сбежать – это не про меня. Как бы отвратительно я себя не чувствовала в данную

минуту.

Мокрая ткань платья заставляет мелко дрожать и неприятно липнет к коже, но это ерунда. Изнури меня сковывает ещё более промозглый холод. И он усиливается, когда я резко прижимаю грязное пальто к груди, чтобы спрятать наготу от айфона суки Синтии, что решила запечатлеть мой конфуз на камеру.

Собираюсь крикнуть ей, что она пожалеет, если посмеет сделать хоть один снимок, но даже рта не успею открыть. Низкий мужской голос за моей спиной делает это раньше.

– Убрала телефон! Живо! – бросает спокойно, но твёрдо, с еле проскальзывающими нотками злости внезапно появившийся за моей спиной Уокер.

И его слова опадают мне на плечи вместе с кожаной курткой, в которой я тут же утопаю. Как буквально, так и образно. Она настолько велика мне, что прикрывает не только верх, но и голую задницу. А потрясающий мужской запах, сохранившийся на ткани, окатывают меня горячей волной, будто прошибая током все конечности.

От неожиданности у меня даже подкашиваются колени. И если бы сильные руки не обхватили меня за талию и не прижали намертво к себе, я непременно свалилась бы на пол, подарив всем ещё один повод посмеяться надо мной во весь голос.

– Ты меня услышала? – повторяет Уокер ещё более злобно.

И вот уж не знаю, каким именно взглядом он сверлит мерзкую сплетницу, но та мгновенно тушуетя и убирает телефон.

– Всё в порядке, Вербника? – шепчет он прямо возле уха, слегка царапая щеку щетиной.

А я не могу ничего ответить. Со мной совсем не всё в порядке, чёрт побери!

От его голоса и прикосновений гурьба мурашек усыпает каждый миллиметр кожи, а сердце срывается на скоростной спринт, выбивая из головы все слова и мысли.

И самое ужасное – мне какого-то чёрта всей душой хочется откинуть голову на его горячую твёрдую грудь, чтобы в полной мере ощутить исходящую от Мэтта поддержку. Лишь только множество устремлённых на нас глаз удерживают меня от этого необъяснимого и неприемлемого порыва.

Не нужна мне никакая поддержка! Так же, как и его защита и помощь. Только не от него. Не от парня моей лучшей подруги, которому я абсолютно не доверяю, да ещё и на дух его не переношу.

Я слегка встряхиваю головой и прихожу в себя от секундного наваждения. А затем разворачиваюсь к Уокеру передом и резко отрываю его руки от себя.

– Я бы и без тебя спокойно справилась, – вполголоса проговариваю я так, чтобы меня расслышал только Мэтт.

И уже в следующий миг сжимаюсь не меньше, чем Синтия несколько секунд назад, впервые видя вечно равнодушного

Уокера таким злым и раздражённым.

Его тёмные глаза мечут молнии, скулы ещё больше заострились от гнева, а когда он спускает взгляд с моего лица к груди и ниже, мне и вовсе начинает казаться, будто он вот-вот меня ударит.

Но Уокер этого не делает. А только молча сверлит меня негодующим взглядом. Совсем недолго. Буквально несколько секунд, во время которых я ощущаю себя провинившимся ребёнком.

А после он хватает меня за локоть и в приказном тоне выдаёт:

– Идём.

Глава 5

МЭТТЬЮ

– Я бы и без тебя спокойно справилась, – тихо цедит Вербника, отрывая мои ладони от своей талии, которую я с лёгкостью и, что более важно, с превеликим удовольствием сжал бы до хруста, переломив эту девчонку на части.

За что?

Причин очень много. И не все они поддаются логическому объяснению. Но главная из всех – это то, что с момента нашего знакомства эта мегера привлекает меня в той же мере, в какой и подбешивает.

Привлекает внешне, в основном. А бесит своей нескрываемой неприязнью ко мне. Вечно недовольным лицом. Нарочитым пренебрежением. И найтеплейшим суждением, будто я такое же редкостное дерьмо, как и мой старший братец.

Разумеется, до ангела мне далеко, но уверяю, до уровня ублюдка Алекса – ещё дальше.

Однако Вербника думает иначе. И это её право. Переубеждать в обратном я точно её не собираюсь. Я лучше просто полюбуюсь её милым негативом и желанием защитить от меня свою недалёкую подругу.

Уж не знаю, что за ужасы вытворял мой брат, но судя по

тому, с какой ненавистью Вербника временами смотрит на меня, натворил этот мудака немало. Но меня это не парит. Да и почему, собственно, должно? Алане я никаких вечных клятв не даю, ни к чему не принуждаю и делаю только то, что она сама мне позволяет. И это не мои проблемы, что позволяет она всё.

Так что из-за нелепых предрассудков одной светловолосой зазнайки отказываться от красивой девчонки, которая сама ко мне липнет, я не собираюсь. Поразвлекаюсь с ней, пока не начнёт напрягать. Заодно продолжу наблюдать, как Вербника постоянно бесится, когда видит нас с Аланой вместе. Это отвлекает меня от неунимающейся скорби получше, чем бесконечный трёп Аланы. Хотя и тот, нужно отметить, справляется со своей задачей на ура.

Никогда не любил болтливых девушек. Всегда обходил стороной. Но в этот раз именно такая глупая балаболка, как Лана, и была мне нужна. Ключевое слово – глупая. А ещё с полным отсутствием собственного достоинства.

С такими проще всего. Не нужно ни в чём заморачиваться, тратить время на ухаживания, свидания и так далее. Мне всего этого сейчас не надо. А вот регулярный секс и постоянное живое радио на фоне – то, что доктор прописал, чтобы суметь отвлечься от собственных гнетущих мыслей.

Самый огромный плюс в Лане – это отсутствие необходимости отвечать на её болтовню. Она может трещать о себе любимой без умолку. Ну или до тех пор, пока я не заткну её

рот членом. И к слову, охерительный минет – это ещё один приятный бонус общения с Браун.

В постели она ничем не выделяется среди остальных, что у меня были, но вот сосать она умеет отменно. Десять баллов!

Видимо, не все гуляющие по универу слухи о ней – ложные. Опыт у девчонки определенно богатый. В этом я уже успел убедиться лично. Но и на это мне плевать. Сколько у неё было до меня и сколько будет после – по барабану. Кроме похоти, она не вызывает у меня ни одной эмоции.

Алана – всего лишь временный способ отвлечься и вспомнить, что значит быть обычным студентом, который встречается с красивой девушкой, ходит на вечеринки и не имеет никаких проблем, кроме незачета по предмету.

И все это я пытаюсь делать уже целый месяц. Но увы, пока не ощущаю в себе никаких изменений. Мыслями я всё так же нахожусь в серой больничной палате, которая весь прошлый год была моим постоянным местом жительства. И я всё так же безразличен ко всему происходящему вокруг меня, а все люди кажутся серыми и безликими.

Все. Кроме этой вредины Вероники.

Её лицо и стройную фигурку я всегда находил среди толпы. Осознанно или нет, но находил. А сейчас, когда она опять стоит передо мной, вся такая воинственная и, блять, практически голая, я вообще никого кроме неё не вижу.

Красивая она, пиздец! Даже с растекшейся тушью, мок-

рыми растрепанными волосами и недовольным выражением лица. Эту девчонку ничего не может испортить. А всё потому, что её красота естественная. Не то что у её драгоценной подружки.

Та себе и в губы что-то вколола, и ресницы с волосами нарастила, и грудь увеличила, а у Вероники всё натуральное. Всё своё. Светло-русые длинные волосы, почти достигающие поясицы, чувственные губы, которые так и манят испробовать их на вкус, и упругая двоечка с призывно торчащими розовыми сосками. На них я особенно акцентирую внимание. И всё благодаря прозрачной ночнушке, которую Вербника додумалась на себя сегодня натянуть.

Она в универ собиралась или идти мужиков на бульваре снимать? Ничего легче надеть не могла? Да ещё в такую погоду! Мозгов у мегеры явно не больше, чем у Аланы. Но этот минус несколько не снижает моего острого возбуждения при взгляде на её обнаженное тело. А тот факт, что не мне одному повезло понаблюдать за её прелестями, почему-то до невозможности бесит.

Я уже забыл, что значит злиться. Основательно так. До скрипа зубов и тремора в пальцах. Не на суровую несправедливость жизни, что последние годы неоднократно наносила мне сокрушительные удары, и не на своего эгоистичного брата, а на абсолютно незнакомого человека.

Но Вербнике Майлз удалось вызвать во мне давно забытый гнев, что растекается по жилам едкой субстанцией, поз-

воля почувствовать себя нормальным.

Когда я увидел её мокрую перед всей группой, мне внезапно захотелось схватить эту зазнайку, перекинуть через плечо и вынести отсюда, подальше от похотливых глаз десятков парней, а затем нещадно отрахать. Может, даже неоднократно. Так, чтобы кричала во весь голос, стонала, задыхалась и просила ещё.

Возможно, тогда Вероника перестала бы быть такой буйкой.

Ведь вместо элементарного «спасибо» за то, что я скрыл своей курткой её наготу от всей аудитории, эта пигалица опять врубилась в свою излюбленную роль ведьмы и мысленно убивает меня сейчас ясно-серым взглядом.

– Идём, – с трудом сохраняя спокойствие, произношу я и хватаю девчонку под локоть, заведомо зная, что вредина даже не попытается сопротивляться, как бы ей того ни хотелось.

Уж слишком ей неохота устраивать сцену перед сворой ушлёпков. И как выясняется всего через несколько шагов, Вероника придерживает своё недовольство ещё и из-за боли в ноге.

Она издаёт тихий стон и хватается за меня, чтобы суметь добраться до полностью пустого ряда в конце аудитории, где садится на самый край скамьи. Как можно дальше от меня.

Детский сад. Не иначе. Но по неведомой причине он меня изрядно забавляет.

– Ты можешь сесть ближе, Вербника. Я не заразный, – усмехаюсь.

– Не хочу это проверять, – выдаёт мегера, копясь в своей сумке.

– Зато я хочу, чтобы ты проверила, – хватаю её за бёдра и притягиваю вплотную к себе.

Она негромко вскрикивает и в попытке отстраниться упирается ладонями мне в грудь. Но у язвы ничего не выходит. Я держу её крепко. Чёрта с два ей удастся отодвинуться.

– Ты что себе позволяешь, Уокер? – цедит сквозь зубы Вербника в паре сантиметров от моих губ.

– Показываю, что тебе не нужно меня бояться.

– Я тебя не боюсь.

– А чего боишься?

– Я ничего не боюсь.

– Неужели? Почему тогда так сильно напряглась? – перевожу взгляд с серых глаз на губы и обратно, сильнее сжимая пальцы на её бёдрах.

– Потому что не понимаю, какого чёрта ты решил, будто имеешь право меня лапать? – зло шепчет она, то и дело поглядывая в сторону остальных студентов.

– Это преступление?

– Да. Если девушка против.

– А ты разве против? – едва сдерживаю смешок, видя, как Вербника вскипает ещё больше.

– Если ты ещё не понял, что я не хочу, чтобы ты меня

трогал, то я могу прокричать.

– Не можешь. Или, скорее, не хочешь.

– Вот это уверенность, – фыркает она.

– Стопроцентная.

– Ты слишком самонадеян.

– Вовсе нет. Просто ты не хочешь вновь привлекать к себе внимание этих людишек, мнением которых ты дорожишь. А значит, и кричать не будешь.

– Меня не волнует их мнение, – отрицает мегера, но тем не менее продолжает бросать взгляды на нижние ряды.

– Не верю.

– Мне плевать, во что ты веришь, а во что нет. Руки от меня свои убери! Я не хочу, чтобы кто-то подумал, будто мы тут тискаемся, только потому что они скажут об этом Лане.

– Значит, дело только в ней?

– Боже, Уокер! Ты тупой или только прикидываешься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.